

Кристина Ланда

Канонизированный и непринятый Данте. К истории рецепции и цензуры *Божественной Комедии* в СССР (1920-е–1950-е гг.)

В письме к своему издателю Константину Некрасову от 1 мая 1914 г. Борис Зайцев, занимавшийся в то время переводом второй половины дантовского *Ада*¹, замечал:

У меня есть старинный русск<ий> проз<аический> перевод Ф. Дима: там Николаевская цензура вычеркнула целые строки из этой песни, как 'подлые'. Вообще, Данте в России подлежал цензуре. У Мина, в пер<еводе> (прежн<ая> ред<акция> 1852 г.) тоже выкинуты нек<оторые> строч<ки>, но касающиеся теологии (Зайцев 2001: 115).

Около пяти десятилетий спустя, в очерке *Непреходящее* (1961 г.), он же выражал изумление публикацией полного собрания сочинений Данте уже в советской России:

К великому моему удивлению, в России готовят к этому сроку полное собрание его сочинений. [...]

Вряд ли "Алки" и "Ленки" будут стоять на морозе в очереди к Данте. Но то, что великого христианского поэта издают в стране, где власть считает христианство врагом... (Зайцев 2000б: 378).

В этих двух текстах Зайцева можно обнаружить намек на те перипетии судьбы русского Данте, которые за некоторым исключением (Buriot-Darsiles 1924; Горохова 1966; Левин 1985: 218; Асоян 1990: 23; Асоян 2015: 12; Ланда 2019: 301-302; Ланда 2020: 111-118) редко становились предметом особого внимания исследователей рецепции *Божественной Комедии* в России. Как показали Анри Бюрио-Дарсиль (Henri Buriot-Darsiles), Раиса Горохова и Арам Асоян в цитируемых выше работах, переводы *Ада* Дмитрия Мина (Алигиери 1855) и Дмитрия Минаева (Алигиери 1874) действительно с трудом прошли духовную цензуру эпохи Николая I и Александра II, причем претен-

¹ Борис Зайцев начал заниматься переводом *Ада* в 1913 г., продолжил в разгар Гражданской войны, а закончил уже после Второй мировой войны; в окончательном виде перевод первой кантики ритмической прозой вышел лишь в 1961 г. в издательстве Умса-Press (Алигиери 1961); переиздан целиком, с примечаниями, в составе собрания сочинений писателя (Зайцев 2000а: 305-477). Об истории этого перевода ср. недавнюю статью Прокопова (Прокопов 2019).

зии у цензоров вызвали в основном те стихи первой кантики, которые каким-либо образом затрагивали священное предание или касались богословия; в случае Мина такие стихи были просто вырезаны из издания *Ада* 1855 г. (Buriot-Darsiles 1924), а *Ад* Минаева вообще не получилось опубликовать в России, и он вышел в Лейпциге (Либрович 1915: 165). Цензоры, работавшие с переводом Минаева, нашли кощунственным даже само название поэмы (*там же*). Интересно, что на использование религиозной тематики в светской поэзии негативно реагировали как цензоры, так и некоторые читатели, не обладавшие высокой книжной культурой: уже после публикации всех трех кантик (1874-1879) среди подписчиков на Данте оказались такие, которые заказали было *Божественную Комедию*, очевидно, обманувшись заглавием, “но, ознакомившись с первым выпуском, ужаснулись соблазна и поспешили вернуть книги обратно” (*там же*).

На религиозные мотивы дантовской поэмы во второй половине XIX в. обращали внимание не только цензоры: в первом фундаментальном отечественном исследовании *Комедии*, принадлежавшем перу Александра Веселовского, это произведение рассматривалось как высшее воплощение средневековой католической традиции (Веселовский 1866); предметом работ о Данте, выходявших в последующие годы, часто становилось сопоставление параллелей христианских мотивов поэмы с повествовательными структурами памятников народной религиозной литературы (ср., например, Веселовский 1888; Шепелевич 1891-1892; Батюшков 1891); на рубеже веков вышел русский перевод книги французского историка Эмиля Жебара, где особое место отводилось мистическим образам у Данте (Жебар 1900: 295-332); позднее, в 1915 г., в своем знаменитом труде о западной средневековой религиозности, Лев Карсавин приводил в пример *Ад и Рай*, говоря об этической функции рассказов о загробном мире (Карсавин 1915: 164-165). В центре рефлексии многих литераторов Серебряного века, привлеченных творчеством Данте, оказались именно религиозные образы, христианские символы и аллегории *Комедии*, пусть и трактуемые символистами весьма свободно: сам автор воспринимался ими как мистик, пророк и духовный наставник, а Беатриче – как воплощение соловьевской Софии (подробнее об этом ср. Голенищев-Кутузов 1971: 480-487; Davidson 1982; Davidson 1989; Асоян 1990: 129-191; Шишкин 1996; Силард 2002; Мицкевич 2006; Зиневич 2010; Самарина, Шауб 2011; Асоян 2015: 112-182; Полонский 2015; Ланда 2016; Глухова, Поляков 2017; Самарина, Шауб 2019; Панова 2019: 138-441); по словам Вадима Полонского, “триипостастность декадентства, соловьевской софиологии и неокатолических интерпретационных потуг более чем характерна для дантеаны Серебряного века” (Полонский 2015: 114). Поэтому реакция Зайцева на известие о публикации собрания дантовских сочинений в СССР не удивительна: как и весь круг писателя, Зайцев видел в Данте, прежде всего, духовного автора, и потому недоумевал, как его тексты, в особенности поэма – произведение, “подымавшее, тянувшее вверх” (Зайцев 2000б: 377) души своих читателей – могли быть допущены к печати в государстве, идеология которого строилась, в частности, на принципе воинствующего безбожия. С другой стороны, с момента революции до первого издания первой кантики

в России прошло больше двадцати лет: впервые *Ад* был целиком опубликован в СССР лишь в 1939 г. (Алигьери 1939). В настоящей статье мы постараемся проследить, как *Комедия* постепенно заняла почетное место в советской научной и переводной литературе, и как при этом оказались вытесненными *ad marginem* религиозные смыслы поэмы, привлекавшие дореволюционных ученых и литераторов. При этом мы покажем, что институт советского редактирования в работе с переводами Дмитрия Мина и Михаила Лозинского отчасти повторил действия духовной цензуры царской России², хотя, разумеется, в совершенно противоположной интенции.

В эпоху Серебряного века в России активно переводились различные отрывки из *Божественной Комедии* и других дантовских текстов; история этих переводов уже отдельно освещалась в различных работах (Бэлза 1965; Davidson 1982; Гиндин 1990; Зиневич 2010; Лаппо-Данилевский 2013; Глухова, Поляков 2017), и здесь мы ее касаться не будем. Укажем только, что поэму в новом переложении Валерия Брюсова (*Ад*) и Вячеслава Иванова (*Чистилище* и *Рай*) в десятые годы планировалось опубликовать в издательстве Брокгауза и Ефрона (ср. Голенищев-Кутузов 1971: 467; Davidson 1989: 265-266; Бэлза 1965; Rizzi, Shishkin 1997), но перевод не был завершён до революции. В 1920 г. после кончины заинтересованного в нем редактора Семена Венгерова дантовский проект перешел к издательству Всемирная литература, основанному Максимом Горьким в сотрудничестве с Александром Тихоновым (Серебровым, 1880-1956) в 1918 г. и специализировавшемся на новых переводах зарубежных классиков (ср. Davidson 1989: 267; подробнее о Всемирной литературе ср. Хлебников 1971; Giaquinta 1989; Демидова 2010). В протоколе заседания редакционной коллегии от 9 февраля 1923 г. можно прочитать:

А. Н. Тихонов сообщает, что во время его последнего пребывания в Москве затронут вопрос об издании Всемирной литературой ряда классиков. Намечено уже несколько основных пунктов. Так предполагается выпустить Свифта, Данте, Сервантеса, Шекспира. Серия классиков должна идти с примечаниями, полунаучным изданием [...]. За год издательство должно выпустить книг 10-12. [...] После совместного обсуждения, Коллегия намечает следующие книги: [...] Данте – имеется перевод Зайцева и В. Иванова... (ПЗРК 1923а: 1)³.

Однако четыре дня спустя после этого заседания, 13 февраля, Корней Чуковский, один из самых активных сотрудников издательства, записал в своем дневнике следующие впечатления от выступления заведующего:

² О фундаментальном различии между советской и царской цензурами и о цензорских обязанностях советских редакторов подробнее ср. Горяева 2009: 146-160.

³ На полях отметим любопытную деталь: в протоколе речь идет о якобы существовавшем на тот момент переводе *Комедии* Вячеславом Ивановым, из которого в настоящее время известны лишь 1-67 стихи I песни *Чистилища*, впервые опубликованные Памелой Дэвидсон в статье 1982 г. (Davidson 1982: 240-242).

Там Тихонов делал доклад о расширении наших задач. Он хочет включить в число книг, намеченных для издания, и Шекспира, и Свифта, и латинских, и греческих классиков. Но ввиду того, что нам надо провести это издание через редакционный сектор Госиздата, мы должны были дать соответствующие рекомендации каждому автору, например:

Боккаччо — борьба против духовенства.

Вазари — приближает искусство к массам.

Петроний — сатира на нэпманов и т. д.

Но как рекомендовать *Божественную Комедию*, мы так и не додумались (Чуковский 1991: 236).

В самом протоколе заседания от 13 февраля об этой дискуссии не упоминается ни словом (ПЗРК 1923б: 1). Но по дневниковой записи становится понятно, что в начале двадцатых опубликовать на русском языке поэму было нелегко. Дело в том, что в Госиздате⁴ “Серьезные претензии вызывала продукция знаменитой Всемирной литературы, с которой у Госиздата сложились попросту враждебные отношения [...]; 54,8% представленных ею рукописей подверглись существенной переработке с идеологической точки зрения” (Блюм 1994: 57). В частности, были “недопустимы христианские, религиозные мотивы” (*там же*: 60) в издаваемых книгах⁵; а значит, *Божественная Комедия*, все еще воспринимавшаяся публикой как религиозная поэма, могла вызвать у цензоров много вопросов. Таким образом, ее автор как ‘поэт католического Средневековья’ – в отличие от более ‘социально близких’ античных и ренессансных авторов – на какое-то время оказался *persona non grata* в советской печати. Показательно, что в *Списке активных рукописей* западного отдела Всемирной литературы за апрель 1925 г., когда издательство по факту уже перестало существовать (ПАТАГ 1925: 1), *Комедия* больше не значилась (САРВА 1925: 1).

Следующее упоминание о плане выпуска поэмы встречается уже шесть лет спустя, в 1931 г.: она фигурирует в списке книг, утвержденных в печать правлением Academia – издательства, унаследовавшего от Всемирной литературы традицию на-

⁴ Госиздат – Государственное издательство РСФСР – был создан постановлением ВЦИК 20 мая 1919 г. как единый государственный аппарат печати в Советском Союзе в целях централизации редакционно-издательской деятельности в стране. На его базе (а также на базе издательства Земля и фабрика) в 1930 г. было основано Государственное издательство художественной литературы – Гослитиздат, или ГИХЛ. В двадцатые годы Госиздат был органом предварительной политической цензуры, через который должны были проходить все рукописи советских издательств до сдачи в типографию. Ср. Обичкин 1971; Динерштейн 1972; Gaiquinta 1987; Блюм 1994; Добренко 1997: 150-154; Горяева 2009: 181-183, 244.

⁵ Ср.: “В 20-е годы – эпоху самой оголтелой, разнузданной атеистической пропаганды – особое внимание уделялось в проскрипционных списках и распоряжениях религиозной тематике. Естественно – в целях максимального ограничения, а еще желательнее – сведения к нулю публикаций” (Блюм 1994: 129).

учного издания иностранной классики⁶ – во главе которого также встал Тихонов (СКНКИ 1931: 1). Но интересно, что на сей раз основания для публикации поэмы оказываются более чем солидными, о чем свидетельствуют следующие строки письма Тихонова к Горькому от 2 февраля 1931 г.:

Мне кажется, что одним признаком ‘классичности’ в наше время ограничиваться нельзя, и в этом отличие новой программы от *Всем<ирной> Лит<ературы>*, что классики – классиками, но не все они нам теперь на потребу, даже под маркой *Academia*. Надо из классиков и вообще из старых писателей брать только то, что в какой-либо степени ‘созвучно’ нашим дням. [...] Из ‘классиков’ – следует выбрать вещи наибольшего социального веса (Свифт, Раблэ, Данте, Сервантес и пр.) (ПАТАГ 1931: 2).

За восемь лет, прошедших с того дня, когда сотрудники Всемирной литературы не могли найти предлога для публикации Данте, обстоятельства изменились, вероятно, потому, что сменилась культурная политика советского государства: классиков начали возвращать на ‘корабль современности’, ‘рапповский лозунг ‘учебы у классиков’ был воспринят советской культурой” (Добренко 1997: 147). Мало-помалу в сталинском СССР сформировался невиданный доселе культ классиков, в том числе иностранных, что повлияло и на активное развитие советского художественного перевода в тридцатые годы⁷. “Имена [классиков – К.Л.] служили своеобразной идеологической легитимацией режима, который [...] объявил себя наследником всей культуры человечества” (Эткинд 1997: 32; ср. также Багно 2016: 27). Позднее Надежда Мандельштам метко охарактеризовала внутреннюю противоречивость этого явления, назвав его “неистовым культуropоклонством нашей эпохи, особенно страшным потому, что оно свирепствовало [...] на фоне полного одичания” в духовном смысле; это одичание воплощалось для нее именно “в книжках издательства Академия, сменившего Всемирную литературу, где в гладеньком виде подносилась всяческая ‘классика’, сработанная самыми ‘культурными’ руками” (Мандельштам 2014: 495).

Однако Тихонов не оправдывал необходимость публикации Данте одной его принадлежностью к классикам, культ которых на тот момент только начал формироваться, а апогея достиг несколько лет спустя, накануне пушкинского юбилея (ср. Добренко 1997: 148), но подчеркивал социологическое значение творчества Данте, упоминая его в одном ряду с Рабле и Свифтом. На самом деле, еще в начале двадцатых отдельные марксисты вычленили это значение из текстов Алигьери, пытаясь при этом представить его антиклерикалом. В частности, в 1921 г. революционер, член

⁶ Об истории *Academii* и подробнее ср. в работах: Йокар 1968; Giaquinta 2001; Крылов, Кичатова 2004.

⁷ Разумеется, расцвет советского художественного перевода в ту эпоху не сводится к одному этому фактору; подробнее об истории литературного перевода в СССР тридцатых годов ср. Witt 2011; Safiullina, Platonov 2012; Азов 2013: 38-74; Witt 2013; Zemskova 2013; Багно 2016: 29-44.

ВЦИК и публицист Вадим Быстрянский (1886-1940) писал в журнале *Книга и революция* в разделе, посвященном шестисотлетнему дантовскому юбилею:

Оставаясь на почве мирозерцания средневекового католицизма, Данте был, однако, бесстрашным борцом против светской власти пап, духовная власть которых коренилась в их материальной мощи. [...] Как ни далек от идеологии Данте духовный мир революционного пролетариата, идущего в наши дни быстрыми шагами к победе над капиталом, – рабочий класс сумеет оценить величие поэта... (Быстрянский 1921: 16).

А в 1924 г. Анатолий Луначарский в своей *Истории западноевропейской литературы* утверждал, что Данте – “передовой человек своей эпохи [...] представитель буржуазии, освобождающейся от пут духовенства” (Луначарский 1924: 127), и у *Комедии* не этико-религиозная, а “социально-политическая цель – цель *основная*, по признанию самого Данте” (*там же*: 123). Но эти тексты были лишь первыми провозвестниками новой, социологически ориентированной советской дантологии, идущей на смену мистико-религиозной дантеане начала века. Со временем все больше подобных статей стало появляться в новых учебниках и хрестоматиях по западноевропейской литературе, чьи авторы основывали свою концепцию дантовского творчества на знаменитом высказывании Фридриха Энгельса о том, что “Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени” (Энгельс 1962: 382). Так, в 1929 г. в хрестоматии философа Марка Баскина *Идеология феодальной эпохи* заявлялось, что по дантовской поэме “можно изучать, как в недрах феодальной идеологии зарождаются враждебные ей силы” (Баскин 1929: 87). В 1930 г. в *Советской энциклопедии* вышла статья о Данте специалиста по романской филологии Стефана Мокульского, где *Божественная Комедия* определялась как “грандиозный философско-художественный синтез культуры средневековья, сделанный представителем восходящей буржуазии, не преодолевшим еще старого культурного опыта, но уже проникнутым новым мироощущением, которое вступает в конфликт с традиционным мировоззрением” (Мокульский 1930: 405). В конце статьи автор, между прочим, сетовал на то, что в последние годы в зарубежных странах на образе Данте стали спекулировать “реакционные мистические и идеалистические течения [...]”. Образ католика и мистика заслонил образ поэта-гражданина” (*там же*: 408). В работах первого советского дантолога, убежденного марксиста Алексея Дживелегова, чья монография о Данте была впервые опубликована в серии “Жизнь замечательных людей” в 1933 г., речь также шла о конфликте феодального и буржуазного мироощущений, отразившихся в *Комедии*: “*Комедия* – главный плод гения Данте. [...] Богослов и философ – Данте весь в прошлом. Но Данте-художник – дитя новой, буржуазной культуры, которая обострила в нем чувство действительности” (Дживелегов 2018: 312; ср. об этом также Полонский 2015: 128). При этом Дживелегов подчеркивал конфликт убеждений Данте с официальной религией, выводя поэта еретиком:

...от ереси идет все, что есть живого в религии Данте. [...] Не нужно очень вчитываться в картины *Комедии*, чтобы сразу увидеть, что религия Данте благороднее и гуманнее, чем официальная религия. Расхождения с ней Данте вызваны высоким человеческим чувством, ощущением некоей большой правды, которая не умещается в католические догматы. [...] Поэзия остается в выигрыше. Католический догматизм несет великий ущерб (Дживелегов 2018: 338-343).

Интересно, что даже книга Дживелегова казалась еще более правоверным марксистам начала тридцатых недостаточно идеологически выверенной (а на самом деле – не вполне соответствующей вульгарно-социологическому подходу): автор вышедшей на нее рецензии в журнале марксистско-ленинской критики *Книга и пролетарская революция* упрекал ученого за искаженное классовое восприятие *Комедии* и замечал, что более “внимательное изучение политических симпатий и общественных выступлений Данте могло бы послужить ценнейшим ключом к правильному историческому пониманию его мировоззрения и творчества” (Пушин 1934: 84); Алигьери, в бытность свою на правительственном посту стремившийся защищать “интересы угнетенных классов [...] был бы безусловно на стороне революционных Чомпи, живи он на полстолетия позже” (*там же*).

Не только ученые, но и крупнейшие советские литераторы в тридцатые годы способствовали канонизации Данте-классика – гражданина и борца за социальную справедливость, затушевывая некогда традиционный образ религиозного и мистического автора⁸. Так, заместитель председателя оргкомитета Союза писателей Александр Фадеев в 1935 г. в своей речи о соцреализме упоминал *Комедию* как пример величайшего реалистического искусства прошлого и называл Данте политическим поэтом:

[...] великими реалистами прошлого мы считаем всех художников, которые могли, при всей своей классовой ограниченности, приблизиться максимально к объективному познанию действительности [...]. Великим реалистом прошлого является и автор *Божественной комедии* Данте, хотя его герои попадали и в ад, и в рай, и в чистилище. Но в этой комедии с необычайной силой и правдивостью показана действительная классовая борьба того времени. Данте был поэт политический (Фадеев 1935: 80-81).

⁸ Отметим, что при этом из официальной печати вытеснялись и новейшие самобытные интерпретации *Комедии*, не соответствовавшие вульгарно-социологическому подходу. В частности, это касается эссе *Разговор о Данте* Осипа Мандельштама (1933 г.), метод которого резко отличался как от символистского, так и от советского прочтения поэмы; по мнению Эммы Герштейн (разделяемому и Ремо Факкани), эссе Мандельштама не допустил к печати в Гослитиздате сам Дживелегов, рецензировавший эссе для издательства. Подробнее об этом ср. Герштейн 1986: 77; Fassani 1994: 7.

А в следующем году в журнале *Книга и пролетарская революция* появилась заметка авторства С. Д. Меркулова⁹ с красноречивым названием: *Ленин, Сталин, Данте, Толстой – вот мои авторы* (Меркулов 1936: 137). Здесь Данте позиционировался как крупнейший авторитет для советского читателя: его имя стояло сразу после имени Сталина. Таким образом, к 1937 г. в СССР ситуация уже разительно отличалась от той, которую описывал Чуковский в 1923 г. Сомнений в том, что *Комедия* необходима советской публике, не оставалось не только у литературоведов, но и у неискушенных читателей (в частности, рабочих), вкусы которых во многом формировала литературная критика и образовательные кружки (ср. Добренко 1997: 86-89; 234-235). Показательно в этом смысле следующее анонимное высказывание на совещании осенью 1937 г. по рассмотрению тематического плана Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ, Гослитиздат) на 1938 г.:

С места: Сейчас начался спрос на книгу Данте *Божественная комедия*. Не знаю, как в других библиотеках, но в нашем районе, может быть, благодаря тому, что на кружках эта книга прорабатывалась, со стороны учащихся – на нее большой спрос (ССПРТПГ 1938: 54).

Интересно также выступление заводского библиотекаря, который участвовал в этом совещании:

Тов. Пустова (библиотекарь, Электрозавод): И вот, товарищи, читатели предъявляют к нам требования. Что это за библиотека? А мы – молодая библиотека, с 1930 года, денег нам отпускается много, остаются каждый год, ругают нас, меня ругают, говорят, почему нет таких-то вещей, ты не хочешь купить. Я говорила товарищам, я с удовольствием дам 200 руб. за *Божественную Комедию*. Люди просят, хотят читать. [...] У нас нехорошо получается: сокровища есть, мы о них знаем, а не можем предложить. Выпустите, товарищи, этого Данте, хотя бы в 2000 экз. Считайте, что трудно, недоступно читателю, но 2000 человек вы найдете. Просят, умоляют. Срежьте одного нашего поэта и дайте (*там же*: 19).

Здесь примечательно, что библиотекарь просит “дать Данте” рабочему читателю (который “умоляет” (!) о нем), если потребуется, даже вместо какого-либо современного советского автора. Новое издание поэмы, судя по всему, стало в тридцатые годы частью общего культурного проекта по “формовке советского читателя” (Добренко 1997), о котором директор Гослитиздата Николай Накоряков говорил на том же заседании:

⁹ Как подтвердил нам библиограф РГБ, в фамилии могла быть допущена опечатка: автором был, вероятно, Сергей Дмитриевич Меркуров (1881 – 1952), философ, академик Академии художеств, советский скульптор-монументалист, в частности, автор памятников Ленину, Сталину, Л. Н. Толстому, в 1941 и 1951 гг. ставший лауреатом Сталинских премий (ср. о нем: <<https://merkuvov.am/история-history/>> [последнее посещение: 05.06.2020]; Орлов 1995: 88-113).

...по характеру своему художественная литература должна быть наиболее острым орудием в смысле воспитания нового человека, в смысле борьбы с пережитками всего старого в человеке, потому что пережитки старого гнездятся глубже в чувствах, в эмоциях, и вытравлять их орудием художественного слова легче всего, это самое действенное орудие (ССПРТГПГ 1938: 84).

Отвечая на вопрос из зала, Накоряков объявил, что *Комедия* “стоит в плане этого года и, может быть, выйдет” (*там же*: 56). Ясно, что новый перевод поэмы сделался теперь насущной необходимостью, о чем в том же 1937 году писал Алексей Дживелегов:

Перед советской общественностью, особенно с тех пор, как руководящими органами была подчеркнута важность изучения истории и мирового литературного наследства, стала задача дать читателю такой перевод *Божественной комедии*, который отвечал бы самым строгим требованиям. [...] На книжном рынке в настоящий момент почти невозможно найти никаких переводов *Божественной комедии*. А поэма нужна. Нужна студентам вузов, которые без текста *Комедии* не могут изучать Данте. Нужна обыкновенному культурному читателю, потому что *Комедия* принадлежит к числу тех произведений человеческого гения, которые ярче и полнее всего выражали мирозерцание и чаяния целых эпох. [...] слова [Энгельса] лучше всего раскрывают смысл и значение великого произведения Данте. Такие книги, как *Комедия*, должны быть в руках у каждого культурного человека (Дживелегов 1937: 39-40).

Тем не менее, в период с 1931 г., когда, как было сказано выше, *Комедия* была упомянута в списке книг, запланированных для публикации в издательстве Academia, и до 1939 г., когда Academia уже прекратила свое существование, слившись с Гослитиздатом (в конце 1937 г.)¹⁰, поэма в новом переводе так и не вышла. Но невозможность ее публикации в то время была связана уже не с идеологическими причинами. В разделе “Основная библиотека” плана издательства по литературе средних веков 1932 г., составленного Борисом Ярхо, *Комедия* значилась – перевод трех кантик предположительно должен был выполняться известными переводчиками Михаилом Лозинским (1886-1955), Сергеем Шервинским (1892-1991) и племянником философа Владимира Соловьева, поэтом Сергеем Соловьевым (1885-1942) – но во втором пункте примечаний к плану было написано: “Для некоторых книг ‘Осн<овной> б<иблите>ки’, м.б., не сейчас найдутся переводчики [...] осуществление других, вероятно, затянется на много лет (*Божественная Комедия*?). На место этих книг можно будет вдвинуть те из дополнительных, для которых немедленно найдется переводчик” (ППЛСВ 1932: 1-2). Таким образом, скорому выполнению плана по *Комедии* фактически мешали объективная сложность и объем самого материала. Однако дело было еще и в том, что с самого начала в издательстве не было точно решено, кто возьмется за этот труд и как он будет распределяться. В самом деле, еще в 1931 г. Лозинский писал Дживеле-

¹⁰ Подробнее о слиянии Academia и с Гослитиздатом ср., в частности: Крылов, Кичатова 2004: 139-140.

легову, что на его долю для *Academi'* и “может выпасть великое множество работы: и *Ад*, и *Шелли*, и *Песнь о Роланде*, и *Паломничество Карла Великого*” (ПМЛАД 1931: 19; Ланда 2020: 354)¹¹; следовательно, он должен был заниматься только *Адом*, и, как можно узнать из другого письма от 1934 г., Шервинский изначально должен был переводить *Чистилище*, а Соловьев – *Рай* (ср. Лавров, Тименчик 1986: 5). Однако еще в 1931 г. Соловьев был арестован по делу московской католической общины (подробнее о биографии Соловьева ср. Смирнов 2014) и никаким переводом заниматься уже не мог. Шервинский же в начале тридцатых вел переговоры с *Academi'* ей о переводе второй кантики (ср. Лавров, Тименчик 1986: 5), но дело у него если и подвигалось, то медленно, судя по тому, что в 1935 г. новый заведующий издательством Яков Янсон все еще обращался к нему с просьбой прислать пробный перевод VI песни *Чистилища*, чтобы решить, заключать ли с ним договор на перевод всей второй кантики (ПРИАСШ 1935: 3; Ланда 2020: 356).

Тем не менее, еще в начале 1934 г. Дживелегов, бывший одним из редакторов издательства, предложил Лозинскому выполнить перевод всей *Комедии*, на что переводчик ответил: “Что ж, давайте! Примусь за перевод *Божественной Комедии* и посвящу этой работе остаток дней моих” (Лавров, Тименчик 1986: 5). Удостоверившись в 1935 г., что ему действительно поручаются все три кантики и что Шервинский не претендует на *Чистилище*, в начале 1936 г. Лозинский наконец взялся за новый стихотворный перевод *Ада*, обещая использовать традиционную со времен Мина форму – пятистопным ямбом с сохранением терцин и цепной рифмы (ПМЛАД 1935: 50; ПМЛАД 1936: 51; Ланда 2020: 358; там же: 360)¹². К этому моменту публикация поэмы с современными комментариями к ней уже стала делом почти политической важности: издательство потребовало от переводчика бросить все прочие проекты и закончить *Ад* к годовщине Октября – 1937 г. (ПМЛАД 1935: 45-47; Ланда 2020: 357-358). Более того, Янсон настаивал на публикации *Комедии* целиком (всех трех кантик) в юбилейном году, а поскольку перевести их к этому сроку было физически невозможно, то *Чистилище* и *Рай* предполагалось выпустить пока в переводе Мина

¹¹ Приводимые здесь и далее письма Михаила Лозинского к Алексею Дживелегову и Константину Державину, Татьяны Лозинской к Николаю Анциферову, Якова Янсона к Сергею Шервинскому, а также (частично) правка перевода Лозинского редактором АН СССР Эсфирь Корольчук и комментариями самого Лозинского к этой правке цитируются также в нашей монографии (Ланда 2020), которая вышла до окончания редактирования настоящей статьи, дополненной и другими архивными источниками, не вошедшими в монографию.

¹² Подробнее о биографии, творчестве и переводческом методе Михаила Леонидовича Лозинского – полиглота, человека высокой культуры, блестящего переводчика, даровитого самостоятельного поэта, участника акмеистского Цеха, друга Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама ср. Эткин 1959; Федоров 1974; Лозинский 1989 (отдельно о переводе *Комедии*); Платонова-Лозинская и др. 1994, III; Ивановский 2005; Андреев 2008: 319-328; Ланда 2018; Баскина 2020; Ланда 2020: 321-426; сопоставление перевода Лозинского с другими переводами *Комедии* проводится в работах: Пильщиков 1999; Поилова 2011; Попова Рогова 2014.

(ПМЛАД 1935: 50; Ланда 2020: 358; Дживелегов 1937: 40). Хотя последнее намерение – очевидно, в связи с распадом *Academia* и в тридцать седьмом году – и не увенчалось успехом, но работа в этом направлении велась весьма активно, о чем свидетельствует сохранившееся в архиве издательства *Заключение о работе т. Рыкова по переработке комментария Мина к книге Данте Чистилище* (ПРРИ 1936: 75-76).

По заключению видно, что редакция издательства стремилась максимально сократить пояснения религиозных понятий, используемых в *Комедии*:

В комментарии Мина имеется много мест, содержащих разъяснения церковных понятий и событий из жизни церкви.

Тов. Рыковым проделана значительная работа; комментарий им очищен от [...] многословного материала, в нем сохранены понятные для среднего читателя пояснения собственных слов или некоторых малопонятных мест поэмы; в переработанном комментарии устранены описания церковных понятий и фактов церковной истории [...]. Работу Рыкова по сокращению и переработке комментария Мина в общем можно признать удовлетворительной (*там же*: 75).

Комментарий Мина действительно до сих пор остается наиболее подробным из всех русских комментариев к *Комедии* в своей богословской части, которая отражает знакомство переводчика с достижениями современной ему дантологии (ср. подробнее о нем: Ланда 2019; Ланда 2020: 98-130). Не только исторические, но и философские и теологические комментарии на протяжении веков считались необходимым метатекстом поэмы, основным ключом к ее прочтению¹³, и потому решение издательства сократить комментарий, оставив лишь минимальные пояснения, шло вразрез с многовековой традицией западных изданий Данте, усвоенной благодаря Мину и в России. Сокращение комментария противоречило и традициям издательства *Academia*, специфику которого составляла как раз подготовка объемных научно-справочных аппаратов; однако, как можно узнать из письма Тихонова к Горькому от 1935 г., после репрессий в отношении некоторых сотрудников и в ходе перестройки работы издательства требования к последнему со стороны ЦК изменились:

Хуже то, что [...] классиков мы не можем дать в должном литературном оформлении. Так, нам строжайше предписано сократить до минимума вступительные статьи и комментарий, причем этот минимум иногда совершенно недостаточен. Как можно в размере 5-6 страниц дать сколько-нибудь толковую, не говоря уже о научности, статью о Сореле, Монтэне, Шекспире и пр. авторах. Получается энциклопедический словарь дурного тона [...].

¹³ Большая часть наиболее авторитетных комментариев к *Комедии* представлены на сайте <<https://dante.dartmouth.edu/commentaries.php>> (последнее посещение: 08.04.2020); история комментариев к поэме в XX в. изложена в работе Энрико Малато – председателя научной комиссии по национальному изданию комментариев к Данте (*Commissione scientifica preposta all'Edizione Nazionale dei Commenti danteschi*): Malato 2016.

И наконец, чем мы отличаемся от Гослитиздата, который дает тех же классиков, в таких же больших тиражах и с таким же куцым аппаратом? Ничем. Специфика нашего изд-ва утрачивается. Рано или поздно встанет вопрос о целесообразности существования двух изд-в, ведущих одинаковую работу. А это будет означать – гибель *Academi'i*. [...] Л. Толстого, Тургенева и пр. можно давать с минимальным комментарием, но Леонардо-да-Винчи, Плавт, Шекспир, Сорель, Кардано и авторы, впервые вводимые в русскую литературу, без обстоятельного аппарата теряют свой смысл (ПАТАГ 1935: 1-2).

Отметим, кстати, что нападки на издательство в связи с 'избыточным' справочным аппаратом выражались не только в официальных предписаниях, но и в сатирах, выходивших в тот год в периодической печати. Приведем здесь любопытную басню сатирика Александра Флита (1891-1954) на эту тему в *Литературном Ленинграде* от 20 июля 1935 г.:

Любопытный "Академик"

– Приятель дорогой! Здорово! Что читал?
 – Том "Академии". Ей-ей, умнее стал,
 Ему отдал все чувства, всю любовь я –
 Какие в нем статьи!
 Какие предисловья!!
 Два – от издательства,
 От автора – одно, –
 От переводчика текстолога – другое.
 Минуты я не знал покоя...
 А вводная статья из глубины веков???
 – Роман-то сам каков?
 – Какие выноски!
 Какие, братец, сноски!!
 А комментарии?!
 А примечаний тьма?!?
 Часов я не щадил, лишь стало бы ума
 Премудрость одолеть такую...
 О новом томике, признаться, я тоскую...
 – Каков же сам роман??
 Чай, смысл его стал светел??
 – А разве там он?
 – Там.
 – Романа, каюсь, не приметил (Флит 1935: 4).

Сатира явно была заказной, ей было предпослано такое пояснение: "Изд-во 'Академия' злоупотребляет в своих изданиях количеством вводных статей и приме-

чаний” (*там же*). Так что сокращение комментария Мина вполне соответствовало новому, навязанному сверху стилю работы издательства.

Однако комментарий не просто урезали, а, как было указано выше, планомерно очистили от всего, что разъясняло религиозную поэтику *Чистилища*, богатство которой было сведено редактором к скупой формуле: церковные понятия и факты церковной истории. О редактировании самого текста миновского перевода сведений пока не обнаружено; в любом случае, лишенный полноценного инструментария, он уже не представлял большой идеологической опасности для неподготовленного читателя, который, таким образом, лишался возможности вникнуть в метафизические смыслы дантовского произведения. Редакцию *Academii* и, в отличие от царской цензуры, интересовали, очевидно, не сами стихи, а пропедевтические пояснения к ним. Советское издание перевода должно было охранять своего адресата от ‘вредной’ справочной информации.

Эту же политику – уже в отношении работы Лозинского – продолжил и ГИХЛ, к которому в 1938 г. вместе с портфелями *Academii* перешел и договор с Лозинским на новое издание поэмы (СОСПБИА 1938: 1-2; ПМЛАД 1938а: 73-74; Ланда 2020: 365). В 1939 г. *Ад*, наконец, вышел из печати (Алигьери 1939); но уже эта первая публикация стоила переводчику многих переживаний: под нож редактора ГИХЛ попали статья и комментарии, подготовленные для издания крупнейшим историком-медиевистом старой школы Иваном Гревсом (1860-1941), другом Лозинского и Вячеслава Иванова, автором работы о дантовской *Монархии* (Гревс 2011: 353-376; ср. подробнее о нем Бонгард-Левин и др. 2006; Свешников 2016). Об этой истории Лозинский сообщает в письмах 1938 – 1939 гг. к Дживелегову, продолжившему свою редакторскую деятельность в ГИХЛ; подробно о сокращениях он не рассказывает, но по намекам можно достроить общую картину:

С печатанием *Ады* много сильных огорчений: биографический очерк, написанный Ив<аном> Мих<айловичем> [Гревсом – К.Л.], отклоняют; комментарий собираются жестоко сократить. Если Ив<ан> Мих<айлович> еще в Москве и если Вы его еще увидите, то хорошо было бы, если бы Вы, от себя, высказали предположение о возможности такого поступка со стороны Ленгослитиздата (если они еще не известили Вас об этом) и при этом разъяснили старику, что в непринятии статьи нет ничего обидного (даже если бы оказалось, что статью не примут по соображениям принципиального порядка, а не только из желания сократить объем книги), и что урезка примечаний – вещь по теперешним временам неизбежная. А то старик обидчивый и не обо всем здраво судящий (ПМЛАД 1938б: 88-89; Ланда 2020: 371-372);

Выпуск книги стоил мне многих мук. Редакция хотела издать ее к съезду [имеется в виду XVIII съезд ВКП (б) – К.Л.], в начале марта, буквально в несколько дней. Она и была набрана в несколько дней, но отпечатать ее не удалось, п.<отому> что типография была занята срочными заказами к съезду же. И, в условиях этой спешки, мне пришлось проделать огромную работу над комментарием, мучительную во многих смыслах, о чем расскажу Вам при встрече (ПМЛАД 1939: 90-91; Ланда 2020: 372).

Интересно, что *Ад*, который не получилось опубликовать в годовщину Октября, вновь пожелали приурочить к дате значимого политического события советской жизни – съезду ВКП (б); при этом инструментарий к его интерпретации, предложенный ученым старой школы, был по большей части забракован. Можно предполагать, что, как и в случае с Мином, редакторы отвергли не только историко-политические примечания, но и справки религиозного характера. Однако проблемы с комментариями к Данте на этом не закончились.

Сначала *Комедия* публиковалась по частям (Алигьери 1939; Алигьери 1940; Алигьери 1942; Алигьери 1945), но уже после войны, в конце сороковых, Гослитиздат пожелал издать все три кантики в одном томе. Это решение, возможно, было принято благодаря высшему официальному признанию труда Лозинского, а также и ценности дантовской поэмы для советского народа: в 1946 г., после выхода *Рая*, Лозинский получил Сталинскую премию первой степени, которая впервые в истории СССР вручалась за перевод, а не за оригинальное художественное произведение (подробнее об истории награждения ср. Ивановский 2005). Однако и после награждения условия работы над комментариями к однотомному изданию не стали более благоприятными. Сын переводчика Сергей Лозинский вспоминал:

Примечания М. Лозинского [для однотомного издания 1950 г. – К.Л.] были Гослитиздатом приняты, но, когда корректура была уже в верстке, М. Лозинскому было предложено сократить примечания вдвое. С болью в душе М. Лозинский выполнил это требование редакции, и примечания вышли “краткими” – в объеме 8 авторских листов. При этом в книге нигде не указано, что автором примечаний является М. Лозинский. При жизни М. Лозинского других изданий его перевода *Божественной Комедии* не было (Лозинский 1989: 12-13).

О причине сокращений можно догадаться по письму жены переводчика Татьяны Шапировой-Лозинской к Николаю Анциферову (датированному только месяцем, но, судя по содержанию, написанному в конце 1949 г.):

29.XI. Сегодня у нас событие – сделан в Госиздат текст Бож<ественной> Ком<едии>. Но комментарии еще остались. А М<ихаил> Леон<идович> вконец измучен – нервничает, у него бессонница (он засыпает в 6 ч. утра!) Вот уж в муках рождается книга!

Мих<аил> Леон<идович> погружен в комментарии, устал, даже ворчит, а пересмотреть все необходимо. *Редактор пуглив* (ПТЛНА: 18-20; Ланда 2020: 390).

Хотя Татьяна Лозинская и не сообщает подробностей, по тексту ясно, что из комментариев должны были быть убраны все идеологически опасные пояснения, которые могли дать читателю ключ к несоветскому, неканоническому Данте. Здесь необходимо указать, что в процессе перевода Лозинский изучил *Комедию* на уровне западного специалиста, его комментарии были основаны на толкованиях поэмы, начиная с Боккаччо и Кристофоро Ландино и заканчивая новейшим на тот момент

переизданием Скартаццини-Ванделли (ср. Лозинский 1989: 13). В черновиках его домашнего архива (где материалы по Данте занимают пять книжных полок) находится немало пояснений к религиозной лексике Комедии, приводятся библейские цитаты и ссылки на отцов церкви¹⁴.

Тем не менее, мы не знаем точно, к чему именно придирались редакторы Гослитиздата; зато в домашнем архиве переводчика содержатся документы с подробностями о пожеланиях советских редакторов уже другого издательства, а именно – Академии Наук (АН) СССР¹⁵. В письме от 4 ноября 1950 г. к литературоведу Константину Державину (который написал вводную статью к ГИХЛ'овскому однотомнику того же года и должен был стать автором вступления и к академическому изданию *Комедии*) Лозинский сообщал:

Секретарь редакционно-издательского совета издательства Академии Наук Моисей Израилевич Радовский действует стремительно. Вчера я почти неожиданно получил от него готовый договор на издание *Божественной комедии* и вчера же отослал его подписанным. [...] Инициатором нового издания *Божественной комедии* был С. И. Вавилов. В конце июня он выразил желание, чтобы Академия Наук включила в серию “Литературные памятники” мой перевод *Божественной комедии* с пространным комментарием и всяческим достодожным аппаратом. [...] В издании ГИХЛ примечания занимают 140 страниц. В первоначальной верстке они занимали 246 страниц. Эта первоначальная редакция и ляжет в основу моих примечаний для изд<ания> Ак<адемии> Н<аук>, но я хочу кое в чем ее изменить и кое чем дополнить (ПМЛКД 1950: нн.; Ланда 2020: 391-392).

Хотя для академического издания, в отличие от гихловского, примечания планировались подробные, комментарий Лозинского подвергся жесткой правке и сокращению в той части, которая касалась религиозной поэтики Данте. Редактировавшая издание Эсфирь Абрамовна Корольчук потребовала убрать или поменять места, прояснявшие богословские и библейские образы *Комедии*, и подчеркнуть социально-политический смысл поэмы. Интересны, в частности, следующие замечания редактора от июня – июля 1951 г.:

Желательно дать вставку где-нибудь в начале комментария о политическом смысле аллегорий Данте и обличительном характере первых двух частей. Хорошо было бы повторить это в нескольких особенно сильных местах.

¹⁴ Пользуюсь случаем выразить огромную благодарность Ирине Витальевне Платоновой-Лозинской, невестке переводчика и хранительнице его архива, за возможность воспользоваться его материалами в 2018-2019 гг.

¹⁵ Лишь спустя двенадцать лет после смерти Лозинского, уже в брежневскую эпоху, поэма была опубликована в академическом издательстве Наука под редакцией Ильи Голенищева-Кутузова, в составе того самого двухтомника (Алигьери 1967; Алигьери 1968), выход которого так удивил Бориса Зайцева.

Лучше было бы исключить упоминания об “экстатических видениях” Данте.

[...]

Не следует давать одинаково – исторический факт, легенду, сообщение о каком-либо мифологическом предмете, сообщение о передвижениях Данте по аду, раю и т.д. Нужно делать оговорку о баснословности некоторых сообщаемых Данте фактов.

[...]

О странствиях Данте нужно сказать иначе, не как о реальном факте.

[...] начальных аллегорий? Аллегии начала песни? Вообще, лучше бы снять эту полемику, она создает впечатление, что комментатор оспаривает вообще политический смысл творения Данте.

[...]

При перечислении философов нужно или снять совсем пояснения (напр., у имени Демокрита) или дать их характеристики в соответствии с нашим, марксистским пониманием.

[...]

Так нельзя оставить: Данте засыпает... под звуки славословий тому совершенно строю, который создан гармоническим сочетанием императорской и папской власти.

[...] О вознесении Данте тоже надо было дать иначе и короче.

[...] Тут космография Данте подана как аксиома.

[...] экстатические видения (РЭАК 1951: 1-2; Ланда 2020: 393-394).

В документе, носящем название *Проверка пометок Э<сфирь> А<брамовны> К<о-рольчук>*, также содержатся замечания редактора по поводу теологического комментария к *Раю* с ответами Лозинского и ремарками рецензента – филолога-романиста Бориса Реизова (ППЭАК 1951). Так, в комментарии к 97-му стиху III песни *Рая* Корольчук предлагает убрать эпитет “святая” перед именем Клары Ассизской; в комментарии к 115-117-му VI песни исключить словосочетание “общение с богом”; в комментарии к 73-75-му стихам IX песни убрать описание отражения мыслей святых в Боге (ППЭАК 1951: 45-52)¹⁶. В последнем случае Лозинский настаивает на сохранении примечания, мотивируя это тем, что “здесь пояснение не теологической тонкости, а композицион-

¹⁶ Последнее примечание давалось к стихам: “Dio vede tutto, e tuo veder s’inluia” / diss’io, “beato spirito, sì che nulla / voglia di sé a te puot’esser fuia” (Alighieri 1994); в переводе Лозинского: “Бог видит всё, твое в нем зренье реет, – / Я молвил, – дух блаженный, и ничья / Мысль у тебя себя украсть не смеет” (Алигьери 2017: 344); восстановленный комментарий Лозинского звучит так: “Смысл: “Ты, как и всякая блаженная душа, видишь отраженными в Боге все помыслы людей” (Лозинский 2017: 690). Как поясняет эти дантовские строки современный итальянский комментатор Анна Мария Кьяваччи Леонарди, дантовский язык отражает здесь тайну взаимопроникновения и слияния в единое целое святых душ, при сохранении каждой собственной индивидуальности, что характерно для бытия Рая (ср. Chiavacci Leonardi 2001: 163).

ного приема Данте” (*там же*: 52); но, несмотря на то, что Борис Реизов соглашается: “Можно и оставить” (*там же*), Корольчук повторяет: “Редакция предлагает снять” (*там же*). На вложенном в ту же папку отдельном листочке, кроме того, карандашом подписано: “В изд<ании> 1950 все пояснения вопроса об отражении мыслей в божестве – исключены” (*там же*: нн.). В комментарии к 40-му стиху XI песни редактор предлагает исключить словосочетание “праздник святого Франциска”; к 25-му стиху XXVIII – пояснение движения небесных сфер “вокруг точки, которая есть бог”, на что Лозинский восклицает: “Но ведь в этом весь смысл картины и смысл всей песни!” (*там же*: 54)¹⁷. В комментарии к 132-му стиху XXX песни редактор предлагает подменить упоминание о греховной испорченности человечества вообще – понятием испорченности современного Данте общества (*там же*: 72). В той же папке на отдельном листе рукой Лозинского написано: “Прошу редактора не ограничиваться голословным обвинением автора в том, что эти примечания ‘не разъясняют текста и вкладывают в слова Данте произвольный, мистический смысл’, но потрудиться самому пояснить, что разумел Данте в указанных стихах” (*там же*: нн.; Ланда 2020: 394). Несомненно, Лозинскому было не особенно приятно перерабатывать комментарии по указке редактора-марксиста, считавшего схоластическое богословие *Рая* несущественным для понимания *Комедии*. Как и для авторов советских хрестоматий, значение *Комедии* для Корольчук было лишь историко-политическим, а комментарий к *Рая* являлся вынужденным компромиссом, призванным не пояснить, а, напротив, максимально замаскировать теологическую поэтику Данте. В письме к Державину от 9 сентября Лозинский жаловался: “У меня с Э. А. Корольчук получается какая-то чепуха, распутать которую я должен в личной беседе с главным редактором Ник<олоем> Ив<ановичем> Шараповым. Но предварительно мне хотелось бы посоветоваться с Вами” (ПМЛКД 1951; Ланда 2020: 395). Несмотря на все предосторожности редактора, издание АН СССР, как упоминалось выше, так и не вышло, а в академическом томе 1967 г. комментарии Лозинского к *Рая* и *Чистилищу* были представлены также в урезанном виде. Полностью они увидели свет лишь после перестройки в новом издании *Комедии* (Алигьери 1995)¹⁸. Это стало возможно благо-

¹⁷ В данном случае речь идет об описании движения ангельских иерархий вокруг точки, символизирующей Бога, чему действительно посвящена вся песнь. Ср. терцину: “distante intorno al punto un cerchio d’igne / si girava sì ratto, ch’avria vinto / quel moto che più tosto il mondo signe” (Alighieri 1994); ср. перевод Лозинского: “Так Точку обнял круг огня, круживший / Столь быстро, что одолевался им / Быстрейший бег, Вселенную обвивший” (Алигьери 2017: 419) и его восстановленный комментарий, отражающий ангельскую доктрину Дионисия Ареопагита: “По мысли Данте, этот круг, как и все остальные, концентрически его объемлющие, состоит из ангелов, кружащих вокруг Точки, которая есть Бог. Всех кругов – девять, соответственно девяти ангельским ‘чинам’, разделяемым на три ‘степени’. Первую, высшую степень образуют Серафимы, Херувимы, Престола; вторую – Господства, Силы, Власти; третью – Начала, Архангелы, Ангелы” (*там же*: 734).

¹⁸ Мы цитируем в данной статье перевод и комментарий Лозинского по переизданию 2017 г. этой же версии текста издательством Иностранка (Алигьери 2017).

даря трудам по восстановлению примечаний, предпринятым наследницей переводчика Ириной Витальевной Платоновой-Лозинской.

История редактирования комментариев к *Комедии* в сталинскую эпоху действительно парадоксальным образом напоминает историю отношений Данте с духовной цензурой николаевского времени, но, если последнюю смущало кощунственное употребление религиозных мотивов в светской поэзии, то советские редакторы, не касаясь самого текста перевода, заботились о том, чтобы атеистическая публика не поняла религиозных смыслов дантовского произведения. *Комедия* в переводе Лозинского сделалась достоянием советской литературы для широкого читателя; почву для этого подготовили авторы советских учебников и энциклопедий, а также ведущие образовательных кружков, в частности, среди рабочих. Автор поэмы постепенно вошел в советский канон и стал одним из признанных классиков, но ценой этого был отказ от справочного аппарата, необходимого для понимания Данте как духовного поэта и мистика.

Сокращения

- ПАТАГ 1925: *Письмо Александра Тихонова Алексею Горькому от 14.01.1925* – Москва, Архив Горького ИМЛИ РАН, КГ-П 77-1-1, 2 л.
- ПАТАГ 1931: *Письмо Александра Тихонова Алексею Горькому от 2.02.1931* – Москва, Архив Горького ИМЛИ РАН, КГ-П 77-1-22, 2 л.
- ПАТАГ 1935: *Письмо Александра Тихонова Алексею Горькому от 1.08.1935* – Москва, Архив Горького ИМЛИ РАН, КГ-П 77-1-46, 2 л.
- ПЗРК 1923а: *Протокол заседания редакционной коллегии от 09.02.1923* – Москва, Архив Горького ИМЛИ РАН, ф. Тихонов А. Н., оп. 2., ед. хр. 149, 1 л.
- ПЗРК 1923б: *Протокол заседания редакционной коллегии от 13.02.1923* – Москва, Архив Горького ИМЛИ РАН, ф. Тихонов А. Н., оп. 2., ед. хр. 150, 1 л.
- ПМЛАД 1931: *Письмо Михаила Лозинского Алексею Дживелегову без даты [1931]* – Москва, РГАЛИ, ф. 2032, оп. 1, ед. хр. 227, л. 19.
- ПМЛАД 1935: *Письмо Михаила Лозинского Алексею Дживелегову от 16.11.1935* – Москва, РГАЛИ, ф. 2032, оп. 1, ед. хр. 227, л. 45-50.
- ПМЛАД 1936: *Письмо Михаила Лозинского Алексею Дживелегову от 22.4.1936* – Москва, РГАЛИ, ф. 2032, оп. 1, ед. хр. 227, л. 51.
- ПМЛАД 1937: *Письмо Михаила Лозинского Алексею Дживелегову от 19.02.1937* – Москва, РГАЛИ, ф. 2032, оп. 1, ед. хр. 227, л. 54.

- ПМЛАД 1938а: *Письмо Михаила Лозинского Алексею Дживелегову от 19.01.1938* – Москва, РГАЛИ, ф. 2032, оп. 1, ед. хр. 227, л. 73-74.
- ПМЛАД 1938б: *Письмо Михаила Лозинского Алексею Дживелегову от 02.12.1938* – Москва, РГАЛИ, ф. 2032, оп. 1, ед. хр. 227, л. 88-89.
- ПМЛАД 1939: *Письмо Михаила Лозинского Алексею Дживелегову от 23.04.1939* – Москва, РГАЛИ, ф. 2032, оп. 1, ед. хр. 227, л. 90-91.
- ПМАКД 1950: *Письмо Михаила Лозинского Константину Державину от 4.09.1950* – Санкт-Петербург, ОР РНБ, ф. 1028, ед. хр. 576, нн.
- ПМАКД 1951: *Письмо Михаила Лозинского Константину Державину от 9.09.1951* – Санкт-Петербург, ОР РНБ, ф. 1028, ед. хр. 576, нн.
- ППЛСВ 1932: *План по литературе средних веков от 1932, мая 29* – Москва, Архив Горького ИМЛИ РАН, КГ-изд 2-23-1, 2 л.
- ППЭАК 1951: *Проверка пометок ЭАК [Эсфирь Абрамовны Корольчук] на экз-ре № 4, сделанных после 19.10.51, представленных Б.Г. Релизову, а затем показанных мне (29.11.51). 29.11.51* – Санкт-Петербург, частный архив “Михаил Лозинский”, 77 лл.
- ПРИАСШ 1935: *Письмо редакции издательства Аcaademia Сергею Шервинскому от 8.12.1935* – Москва, РГАЛИ, ф. 1364, оп. 5, дело 156, л. 3.
- ПРРИ 1936: *Переписка разных редакций издательства по изданию русской и иностранной классической литературы от 4 июля 1932 – 5 июля 1937* – Москва, РГАЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 8, 95 л.
- ПТЛНА: *Письмо Татьяны Лозинской Николаю Анциферову [без даты]* – Санкт-Петербург, ОР РНБ, ф. 27, ед. хр. 292, л. 20.
- РЭАК 1951: *Работа с ЭАК-1 [Эсфирь Абрамовной Корольчук] 1951* – частный архив “Михаил Лозинский”, 55 л.
- САРВА 1925: *Список активных рукописей Всемирной Литературы [Западного отдела] [1925, апрель]* – Москва, Архив Горького ИМЛИ РАН, ф. Тихонов А. Н., оп. 2, ед. хр. 534, 1 л.
- СКНКИ 1931: *Список книг, намеченных к изданию на ближайшие три года. Античная литература, литература средневековья и эпохи Возрождения [1931]* – Москва, Архив Горького ИМЛИ РАН, КГ-изд 2-33-1, 1 л.
- СОСПБИА 1938: *Сведения о состоянии производственного портфеля бывшего издательства “Аcaademia” по московским типографиям на 1 января 1938 г. [1.01-1.06.1938]* – Москва, РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 9, 105 л.
- ССПРТПГ 1938: *Стенограмма совещания по рассмотрению тематического плана Гослитиздата на 1938 г. [27.10.1937]* – Москва, РГАЛИ, ф. 613, ед. хр. 97, оп. 1, 115 лл.

Литература

- Азов 2013: А. Азов, *Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920-е–1960-е годы*, Москва 2013.
- Алигиери 1855: Д. Алигиери, *Ад*, пер. Д. Мина, Москва 1855.
- Алигиери 1874: Д. Алигиери, *Божественная Комедия. Ад*, пер. Д. Минаева, Лейпциг 1874.
- Алигьери 1939: Д. Алигьери, *Божественная комедия. Ад*, пер. с итальянского М. Лозинского, Москва 1939.
- Алигьери 1940: Д. Алигьери, *Божественная комедия. Ад*, пер. с итальянского М. Лозинского, Москва 1940.
- Алигьери 1942: Д. Алигьери, *Божественная комедия. Чистилище*, пер. с итальянского М. Лозинского, Москва 1942.
- Алигьери 1945: Д. Алигьери, *Божественная комедия. Рай*, пер. с итальянского М. Лозинского, Москва 1945.
- Алигьери 1950: Д. Алигьери, *Божественная комедия*, пер. с итальянского М. Лозинского, Москва 1950.
- Алигьери 1961: Д. Алигьери, *Божественная Комедия. Ад*, пер. с итальянского Б. Зайцева, Париж 1961.
- Алигьери 1967: Д. Алигьери, *Божественная комедия*, пер. с итальянского М. Лозинского, Москва 1967.
- Алигьери 1968: Д. Алигьери, *Малые произведения*, пер. с итальянского И. Н. Голенищева-Кутузова, Е. Солоновича, А. Габричевского, Ф. Петровского, В. Зубова, Москва 1968.
- Алигьери 1995: Д. Алигьери, *Божественная Комедия: Ад. Чистилище. Рай*, пер. с итальянского М.Л. Лозинского, Санкт-Петербург 1995 (= *Собрание сочинений*, I-III).
- Алигьери 2017: Д. Алигьери, *Божественная Комедия: Ад. Чистилище. Рай*, пер. с итальянского М.Л. Лозинского, в: Он же, *Божественная Комедия. Новая жизнь*, Москва 2017, с. 5-442; 511-748.
- Андреев 2008: М.Л. Андреев, *М. Л. Лозинский*, в Он же, *Литература Италии. Темы и персонажи*, Москва 2008, с. 319-328.
- Асоян 1990: А.А. Асоян, *“Почтите высочайшего поэта...” Судьба Божественной Комедии Данте в России*, Москва 1990.
- Асоян 2015: А.А. Асоян, *Данте Алигьери и русская литература*, Санкт-Петербург 2015.
- Багно 2016: В.Е. Багно, *Дар особенный. Художественный перевод в истории русской культуры*, Москва 2016.

- Баскин 1929: М.П. Баскин, *Идеология феодальной эпохи*, Москва-Ленинград 1929.
- Баскина 2020: М.Э. Баскина (Маликова), *К описанию "филологического перевода" 1930-х годов: как сделан перевод Жизни Бенвенуто Челлини М.А. Лозинским*, "Русская литература", 2020, 1, с. 189-204, DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-189-204.
- Батюшков 1891: Ф. Батюшков, *Спор души с телом в памятниках средневековой литературы*, Санкт-Петербург 1891.
- Блюм 1994: А. Блюм. *За кулисами "Министерства Правды". Тайная история советской цензуры*, Санкт-Петербург 1994.
- Бонгард-Левин и др. 2006: Г.М. Бонгард-Левин, Н.В. Котрелев, Е.В. Ляпустина (сост.), *Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова*, Москва 2006.
- Быстрянский 1921: В. Быстрянский, *Памяти Данте (к 600-летию со дня его смерти)*, "Книга и революция", 1921, 1 (13), с. 13-16.
- Бэлза 1965: С.И. Бэлза, *Данте и Брюсов*, в: Он же (ред.), *Данте и славяне*, Москва 1965, с. 67-94.
- Веселовский 1866: А. Н. Веселовский, *Данте и символическая поэзия католицизма*, "Вестник Европы", 1866, 4, с. 152-209.
- Веселовский 1888: А. Н. Веселовский, *Нерешенные, нерешительные и безразличные Дантовского ада*, "Журнал Министерства Народного Просвещения", 1888, 260, с. 87-116.
- Герштейн 1986: Э. Герштейн, *Новое о Мандельштаме. Главы из воспоминаний*, Paris 1986.
- Гиндин 1990: С.И. Гиндин, *Из неопубликованных дантовских материалов Валерия Брюсова*, Н. М. Куренная (ред.), *Италия и славянский мир. Советско-итальянский симпозиум in honorem Professore Ettore Lo Gatto: сборник тезисов*, Москва 1990, с. 85-89.
- Глухова, Поляков 2017: Е. Глухова, Ф. Поляков, *Сонеты из Vita nuova Данте в ранних переводах Эллиса*, "Vienna Slavic Yearbook", 2017, 5, с. 185-216.
- Голенищев-Кутузов 1971: И.Н. Голенищев-Кутузов, *Творчество Данте и мировая культура*, Москва 1971.
- Горохова 1966: Р. М. Горохова, *Ад Данте в переводе Д.Е. Мина и царская цензура*, в: П.Н. Берков (ред.), *Русско-европейские литературные связи: Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева*, Москва-Ленинград 1966, с. 48-55.
- Горяева 2009: Т.М. Горяева, *Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг.*, Москва 2009.

- Гревс 2011: И.М. Гревс, *Из "Studi danteschi": Первая глава трактата Данте "De Monarchia"*, в: М.С. Самарина, И.Ю. Шауб (сост.), *Данте Алигьери: Pro et contra*, I, Санкт-Петербург 2011, с. 353-376.
- Демидова 2010: О.Р. Демидова, *Издательство Всемирная литература в воспоминаниях писателей-эмигрантов*, в: В.Е. Багно (ред.), *Художественный перевод и сравнительное изучение культур. Памяти Ю.А. Левина*, Санкт-Петербург 2010, с. 139-156.
- Дживелегов 1937: А.К. Дживелегов, *Божественная комедия на русском языке*, "Книжные новости", 1937, 13, с. 39-40.
- Дживелегов 2018: А.К. Дживелегов, *Данте Алигьери*, в: Он же, *Начало итальянского Возрождения*, Москва 2018, с. 153-384.
- Динерштейн 1972: Е.А. Динерштейн, *Положившие первый камень. Госиздат и его руководители*, Москва 1972.
- Добренко 1997: Е.М. Добренко, *Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы*, Санкт-Петербург 1997.
- Жебар 1900: Э. Жебар, *Мистическая Италия. Очерк из истории возрождения религии в средних веках*, Санкт-Петербург 1900.
- Зайцев 2000а: Б.К. Зайцев, *Данте. Божественная Комедия. Ад*, в: Он же, *Собрание сочинений*, VIII (дополнительный), Москва 2000, с. 305-477.
- Зайцев 2000б: Б. К. Зайцев, *Непреходящее*, в: Он же, *Собрание сочинений*, IX (дополнительный), Москва 2000, с. 374-378.
- Зайцев 2001: Б. К. Зайцев, *Письмо К.Ф. Некрасову*, в: Он же, *Собрание сочинений*, X (дополнительный), Москва 2001, с. 115-116.
- Зиневич 2010: А. Зиневич. *Данте в творчестве Эллиса, или возрождение Средневековья*, в: Ю. Валиева (ред.), *Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: сборник статей и материалов (Памяти Л.А. Иезуитовой: к 80-летию со дня рождения)*, Санкт-Петербург 2010, с. 487-496.
- Ивановский 2005: И. Ивановский, *Воспоминания о Михаиле Лозинском*, "Нева", 2005, 7, <<https://magazines.gorky.media/neva/2005/7/vospominaniya-o-mihaile-lozinskom.html>> (последнее посещение: 31.10.2019).
- Иокар 1968: А.Н. Иокар, *Горький в издательстве Academia*, в: Б.А. Бялик (ред.), *Горьковские чтения*, Москва 1968, с. 289-307.
- Карсавин 1915: Л.П. Карсавин, *Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии*, Петроград 1915.

- Крылов, Кичатова 2004: В.В. Крылов, Е.В. Кичатова, *Издательство "Academia": Люди и книги. 1921-1938-1991*, Москва 2004.
- Лавров, Тименчик 1986: А.В. Лавров, Р.Д. Тименчик, "...Круче к ветру". К 100-летию со дня рождения М. Л. Лозинского. *Неизданные письма о переводе*, "Литературная газета", 30.07.1986, с. 5.
- Ланда 2016: К.С. Ланда, *К вопросу о дантовских влияниях в ранней поэзии Вячеслава Иванова (1904-1919): поэтика "прозрачности и отражения"*, "Europa Orientalis", XXXV, 2016, с. 235-266.
- Ланда 2019: К.С. Ланда, *Дмитрий Мин – переводчик и комментатор Божественной Комедии Данте*, "Вестник Русской христианской гуманитарной академии", XX, 2019, 3, с. 295-313.
- Ланда 2020: К.С. Ланда, *Божественная Комедия в зеркалах русских переводов. К истории рецепции дантовского творчества в России*, Санкт-Петербург 2020.
- Лаппо-Данилевский 2013: К.С. Лаппо-Данилевский, *Римские поэты в трактате Данте Монархия: неизвестные переводы Вячеслава Иванова*, "Русская литература", 2013, 2, с. 173-179.
- Левин 1985: Ю.Д. Левин, *Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода*, Ленинград 1985.
- Либрович 1915: С.Ф. Либрович, *Божественная комедия и ее русский переводчик*, "Вестник лит. известий книжных магазинов т-ва Вольф", 1915, 7, с. 157-165.
- Лозинский 1989: С.М. Лозинский, *История одного перевода Божественной комедии*, в: И. Бэлза (ред.), *Дантовские чтения 1987*, Москва 1989, с. 10-17.
- Луначарский 1924: А.В. Луначарский, *История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах*, Москва 1924.
- Мандельштам 2014: Н. Мандельштам, *Собрание сочинений*, II, Екатеринбург 2014.
- Меркулов 1936: С.Д. Меркулов, *Ленин, Сталин, Данте, Толстой – вот мои авторы*, "Книга и пролетарская революция", 1936, 4, с. 137.
- Мицкевич 2006: Д. Мицкевич, *Высота башни*, в А.Б. Шишкин (ред.), *Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века*, Санкт-Петербург 2006, с. 7-21.
- Мокульский 1930: С. Мокульский, *Данте Алигьери*, в: О.Ю. Шмидт (ред.), *Большая Советская Энциклопедия*, XX, Москва 1930, с. 401-409.
- Обичкин 1971: Г.Д. Обичкин (ред.), *Положение ВЦИК о Государственном издательстве*, в: *Декреты Советской власти*, V, Москва 1971, с. 207-209.

- Орлов 1995: С. Орлов, *Сергей Меркуров. От камерного памятника к гипермонументу*, в: А.В. Дехтерева, Н.С. Степанян (ред.), *Пути и перепутья. Материалы и исследования по отечественному искусству XX века*, Москва 1995, с. 88-113.
- Панова 2019: А.Г. Панова, *Итальянцы, русские: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама*, Москва 2019.
- Пильщиков 1999: И. Пильщиков, *О Божественной комедии* в переводе Илюшина, "Русский журнал", 1999, <<http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/italy/pilchikov-o-bozhestvennoj-komedii.htm>> (последнее посещение: 13.09.2019).
- Платонова-Лозинская и др. 1994: И.В. Платонова-Лозинская, К.М. Поливанов, *Лозинский Михаил Леонидович*, в: А.П. Николаев (ред.), *Русские писатели: 1800-1917. Биографический словарь*, III, Москва 1994, с. 382-384.
- Полилова 2011: В.С. Полилова, *Переводческая техника М. Лозинского и А. Илюшина: попытка измерения*, в: М. Акимова и др., *Alexandro P'ušino septuagenario oblata: сборник*, Москва 2011, с. 191-195.
- Полонский 2015: В.В. Полонский, *Русский Данте конца XIX-первой половины XX в.: опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога*, "Литературоведческий журнал", XXXVII, 2015, с. 111-130.
- Попова Рогова 2014: Н. Попова Рогова, *К вопросу передачи рифмы в русских переводах Божественной Комедии М.А. Лозинского и А.А. Илюшина (на материале III песни Ада)*, "Studi slavistici", 2014, 11, р. 49-63, DOI: 10.13128/Studi_Slavis-15342.
- Прокопов 2019: Т. Прокопов, *Русский Ад Бориса Зайцева*, "Иные берега", 2019, 1 (49), <<http://iniebereg.ru/node/618>> (последнее посещение: 01.04.2020).
- Пущин 1934: В. Пущин, *Наукообразный труд*, "Книга и пролетарская революция", 1934, 6, с. 81-85.
- Самарина, Шауб 2011: М.С. Самарина, И.Ю. Шауб (сост.), *Данте Алигьери: Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей*, I, Санкт-Петербург 2011.
- Самарина, Шауб 2019: М.С. Самарина, И.Ю. Шауб, *Данте Алигьери: Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей*, II, Санкт-Петербург 2019.
- Свешников 2016: А. В. Свешников, *Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в.: судьба научного сообщества*, Москва 2016.

- Силард 2002: А. Силард, *Дантов код русского символизма*, в: Она же, *Герменевтика и герменевтика*, Санкт-Петербург 2002, с. 162-205.
- Смирнов 2014: М. Смирнов, *Последний Соловьев*, Москва 2014.
- Фадеев 1935: А. Фадеев, *Съезд советских писателей и социалистическая культура*, "На рубеже", 1935, 2, с. 74-86.
- Федоров 1974: А.В. Федоров, *Из воспоминаний и размышлений о Михаиле Леонидовиче Лозинском – человеке и мастере*, в: М.Л. Лозинский, *Багровое светило. Стихи зарубежных поэтов в переводе М. Лозинского*, Москва 1974, с. 190-194.
- Флит 1935: А. Флит, *Любопытный "Академик"*, "Литературный Ленинград", 20.07.1935, 33 (119), с. 4.
- Хлебников 1971: Л.М. Хлебников, *Из истории горьковских издательств: Всемирная литература и Издательство З.И. Гржебина*, в: В.Р. Щербина (ред.), *Литературное наследство*, LXXX, Москва 1971, с. 668-699.
- Чуковский 1991: К.И. Чуковский, *Дневник*, I, Москва 1991.
- Шепелевич 1891-1892: Л.Ю. Шепелевич, *Этюды о Данте. Апокрифическое Видение св. Павла*, Харьков 1891-1892.
- Шишкин 1996: А.Б. Шишкин, *"Пламенеющее сердце" в поэзии Вячеслава Иванова и дантовское видение "Благословенной жены"*, в: А. Илюшин (ред.), *Дантовские чтения 1995*, Москва 1996, с. 95-114.
- Энгельс 1962: Ф. Энгельс, *К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию Манифеста Коммунистической партии 1893 года*, в: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*, XXII, Москва 1962, с. 381-382.
- Эткинд 1959: Е.Г. Эткинд, *Архив переводчика (Из творческой лаборатории М.А. Лозинского)*, в П.Г. Антокольский (ред.), *Мастерство перевода*, Москва 1959, с. 394-403.
- Эткинд 1997: 32 Е.Г. Эткинд, *Русская переводная поэзия XX века*, в: Он же (ред.), *Мастера поэтического перевода: XX век*, Санкт-Петербург 1997, с. 5-54.
- Alighieri 1994: D. Alighieri, *La Commedia secondo l'antica vulgata*, a cura di G. Petrocchi, Firenze 1994 <<https://www.danteonline.it/italiano/opere.asp?idope=1&idlang=OR>> (последнее посещение: 31.10.2019).
- Buriot-Darsiles 1924 : Н. Buriot-Darsiles, *Dante et la censure russe*, "Revue de litterature comparée", IV, 1924, с. 109-111.

- Chiavacci Leonardi 2001: A.M. Chiavacci Leonardi, *Commento al Paradiso*, в: D. Alighieri, *La Divina Commedia con il commento di A. M. Chiavacci Leonardi. Paradiso*, Bologna 2001, c. 7-609.
- Davidson 1982: P. Davidson, *Vyacheslav Ivanov's Translations of Dante*, "Oxford Slavonic Papers", XV, 1982, c. 103-131.
- Davidson 1989: P. Davidson, *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante*, Cambridge 1989.
- Faccani 1994: R. Faccani, *Nello specchio della Divina Commedia*, в: O. Mandel'stam, *Conversazione su Dante*, Genova 1994, c. 7-36.
- Giaquinta 1987: R. Giaquinta, *Centralizzazione e controllo: l'editoria sovietica 1917-1921*, "Europa Orientalis", VI, 1987, c. 151-176.
- Giaquinta 1989: R. Giaquinta, *Conservazione della cultura o fine dell'umanesimo? Blok e Gor'kij in "Vsemirnaja literatura"*, "Annali di Ca' Foscari", XXVIII, 1989, 1-2, c. 201-223.
- Giaquinta 2001: R. Giaquinta, *Gli inizi della casa editrice "Accademia": dal Filosofskoe obščestvo all'Institut istorii iskusstv (passando per i formalisti)*, в: R. Faccani (a cura di), *Studi in memoria di Neva Godini*, Udine 2001, p. 179-222.
- Landa 2018: K. Landa, *Le traduzioni russe della Commedia: il Novecento e Michail Lozinskij*, in S. Monti (a cura di), *Dante oltre i confini. La ricezione dell'opera dantesca nelle letterature altre. Atti del convegno*, Alessandria 2018, c. 121-136.
- Malato 2016: E. Malato, *Per una nuova edizione commentata delle Opere di Dante*, Roma 2016 (2004').
- Rizzi, Shishkin 1997: D. Rizzi, A. Shishkin (a cura di), *Договор об издании Комедии Данте*, в: D. Rizzi, A. Shishkin (a cura di), *Archivio italo-russo*, 1, Trento 1997, c. 547-548.
- Safullina, Platonov 2012: N. Safullina, R. Platonov, *Literary Translation and Soviet Cultural Politics in the 1930s: The Role of the Journal Internacional'naja Literatura*, "Russian Literature", LXXII, 2012, 2, p. 239-269, DOI: 10.1016/j.ruslit.2012.08.005.
- Witt 2011: S. Witt, *Between the Lines: Totalitarianism and Translation in the USSR*, в: B.J. Baer (ed.), *Contexts, Subtexts and Pretexits: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*, Amsterdam-Philadelphia 2011, c. 149-170.
- Witt 2013: S. Witt, *Arts of Accommodation: The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936, and the Ideologization of Norms*, в: L. Burnett, E. Lygo (eds.), *The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia*, Oxford 2013, c. 141-184.

Zemskova 2013:

E. Zemskova, *Translators in the Soviet Writers' Union: Pasternak's Translation from Georgian Poets and the Literary Process of the Mid-1930s*, в: L. Burnett, E. Lygo (eds.), *The Art of Accomodation: Literary Translation in Russia*, Oxford 2013, с. 185-211.

Abstract

Kristina Landa

Dante Canonized and Discarded. Some Remarks on the Reception of the Divina Commedia in the Stalin Era

During the late nineteenth and early twentieth centuries, in the academic and literary circles of tsarist Russia Dante's *Divina Commedia* was considered as a religious poem. The theological background underlying the work incurred ecclesiastical censorship, which made it challenging to publish its translations during Nicolay I's and Alexander II's reigns. The mystic motifs and religious imagery found therein became later particularly popular with Silver Age authors. The reception of the *Divina Commedia* as a Christian text remained unchallenged in the early post-revolutionary Russian intellectual milieu; notably, the publishing house "Vsemirnaja Literatura" ("*World Literature*") was not able to justify the preparation of a new translation on ideological grounds. Until the early 1930s, in Soviet literature Dante Alighieri was a controversial figure within the subfield of literary translation; yet in 1946, Michail Lozinskij's translation of the *Divina Commedia* was awarded the Stalin Prize 1st class, which for the very first time was granted to a work of translation. The aim of this article is threefold: first it attempts to demonstrate the ways by which, beginning in the 1930s, Dante gradually came to occupy an important place in some printed media in the Soviet Union; second it investigates the circumstances under which a translation of the *Divina Commedia* was published, and lastly it emphasises that the religious content of Dante's poem – once appealing to pre-revolutionary writers – was eventually disregarded. The present research, which relies on documents from public and private archives, also traces the history of the preparation of the commentaries that in the 1930s and 1950s accompanied the Russian translations of the *Divina Commedia*; I shall argue that the editors Dmitrij Min and Michail Lozinskij adopted an approach that was to a certain extent similar to ecclesiastical censorship in tsarist Russia.

Keywords

Dante Alighieri; *Divina Commedia*; Michail Lozinskij; Dmitrij Min; Ivan Grevs; Russian Translations of the *Divina Commedia*; Vsemirnaja Literatura.